

Тамара Булевич

Дети, птицы и лосёнок.

Быстроногие сынки, как весенние цветы на южном косогоре, подрастали час от часу. Первенцам сегодня исполнилось по пять лет, а младшему – два. Мужики!

В день рождения Егора и Ильи светило яркое солнце, весело гомонили птицы, и Дмитрий Юдин решил повести своих пятилеток в звенящую весной тайгу, которая начиналась сразу за огородом и казалась малышам таинственной, страшноватой, неприступной. Красавица тайга тянулась далеко на север между рекой Подкаменной Тунгуской и Медвежьей горой.

Когда Дмитрий Юдин вывел Илюшу с Егоркой на свою, юдинскую, тропу и повёл по ней дальше и дальше вдоль реки в таёжную глухомань, то дети по-разному отреагировали на первое знакомство с дремучим вековым лесом. По малолетству близнецам строго-настрою было наказано мамой Людой, да ещё со страшилками, чтобы и нога их туда не ступала.

Всегда уверенный и болтливый Илья тут вдруг замолчал, словно сам в себя запрятался.

Егор же сразу залез под нижние лапы пихты, на иголках которой собралась капельки талой воды, напоминавшие обильную утреннюю росу.

– Пап, а на солнце роса! Правда-правда!

– Не сочиняй, сын, этого даже я не смогу представить. Не знал, оказывается, ты у нас большой фантазёр. Да ещё какой... классный!

Егор обиженным голосом подозвал отца и попросил осторожно пролезть к нему под лапами пихты. Дмитрию ничего не оставалось, как выполнить просьбу сына.

– Слушай, Егоша, ты просто волшебник! Веточки с искрящимися капельками-росинками действительно лежат прямо посередине полуденного светила и омывают его пихтовой капелью.

– Я же говорил, что на солнце роса, а ты не верил, – заканючил Егор.

– Ладно, сын, мал ещё, чтобы понять, что к чему. И в помощь мне, как раз для твоего случая, припомнилась одна сказка-миф. Я читал вам когда-то. Ну? Припомянай! Почему забыл-то? – стал раздражаться отец. – В ней рассказывается про непослушного Икара и его папу Дедала...

Егор лишь смущённо и обиженно сопел, часто моргал глазами, но отец настойчиво пытался расшевелить-таки его память.

– Папа Дедал предупреждал Икара, чтобы тот близко к солнцу не подлетал. Там... ну, очень-пре-пре-очень жарко. Ведь пёрышки-то к его крыльям Дедал приклеил воском. А воск, чуть нагрей, и что? Да он просто расплавится, закапает. Говорю, Егорка, к тому, что даже планеты, которые прилетают к солнцу из вселенной, от его невыносимого пекла бесследно исчезают. Теперь догадайся: капельке - росинке там и вовсе не поздоровилось бы. Не долетев до солнца, вмиг испарилась бы, – строго поучал Егорку Дмитрий.

Тут на выручку брату поспешил молчавший до сей поры Илья.

– Пап, а давай-ка расскажи нам сказку снова. Про Икара и папу Дедала. Только всё-всё расскажи. Нам она и тогда понравилась. Я даже всплакнул, когда Икарка исчез, будто его и не было.

– Уж нетушки. Мы сюда за другими сказками пришли – одна другой интереснее. Вот сейчас начнём искать весну-красну.

– Это как? – оживился Егор.

– Слушайте и запоминайте. Первыми её вестниками являются перелётные птицы. Они отзимовали в тёплых странах. А чуть весна раскрывается над миром, сразу домой возвращаются, чтобы здесь в родной тайге, где сами когда-то родились, вырастить своих деток – птенцов. Эти птицы и принесли нам весну на сильных, быстрых крыльях.

– А я видел над крышей нашего дома и зимой разных птиц, – глядя на отца, недоверчиво высказался рассудительный Егор.

– Молодец, сынок. Правильно подметил. Есть много эвенкийских таёжных птиц, прапрадедушки и прапрабабушки, а позже и дедушки, бабушки которых издавна, веками закаляли себя в стужах да метелях. Теперь их потомки – детки, вот как вы у меня, самых суровых зим да морозов не боятся. Такие сибирские птицы здесь рождаются и бесстрашно зимуют в нашей тайге. Ты, Егорка, их видел.

– Значит, наши птички совсем-совсем никуда не улетают? Вот здорово! Правда же, папа, они – настоящие сибиряки?

– Правда, сынок, – одобрительно поддержал его Дмитрий и вдруг сорвался с места, помчался вперёд, глядя то в небо, то на противоположную сторону реки: там приземлялась стая незнакомых ребятам птиц. Теперь внимание отца было сосредоточено только на стае. Он вглядывался в избранный ими откос с сухим травостоем на другом берегу реки.

– Скорее, сынки! Смотрите-смотрите! Это огромное семейство красноклювиков! – восторженно подзывал Дмитрий к себе сыновей.

Илья с Егором бежали наперегонки с радостными возгласами: «Ой-ой, папа, погляди! Красноклювиков так много, аж небо от них потемнело!». Тот тоже радостно

размахивал руками, указывая малышам на колонию полярных крачек, которая шумно опускалась на откос.

– Эти крачки вернулись к нам из теплых стран. Я их зову красноклювиками.

– Почему, пап? – наконец-то загорелись глаза и у Ильи.

– У полярной крачки, сынок, клюв полностью красный. Это её основное отличие от речной - неперелётной. Речные крачки, когда разгуляются лютые морозы, могут улететь только на юг нашего края. Не дальше. А эти красноклювики преодолевают тысячи километров, а потом возвращаются, чтобы побыть в тайге, где родились и вырастить здесь своих деток- птенцов.

–А что птички будут сейчас делать?

Дмитрий внимательно посмотрел на Илюшу, радуясь в душе, что проснулся-таки в нём интерес к происходящему событию – возвращению «красноклювиков» домой, на родину.

– Чуток отдохнут. Потом за день-два поторопятся соорудить себе немудрёные гнёзда. Выроют неглубокие ямки в сухой земле, набросают в них прошлогодней травы да разных стеблей. И уже готово гнездо для двух птенцов. Ну, просто прехорошеньких, крикливых-крикливых, таких же, как их мамы и папы.

– А где зимуют твои красноклювики? – наперебой спросили у отца мальчишки. Дмитрий с ответом не торопился. Всё его внимание застыло на стае. Наиболее расторопные самцы уже начали делить землю под гнёзда. Не обходилось и без стычек и азартных драк с соседями. Со всех концов откоса доносились их бойцовские воинственные крики.

– В августе, когда подрастут, окрепнут их детки, полярные крачки вновь начнут неторопливо улетать-откочёвывать через большие водоемы поближе к Норильску. Знаете такой заполярный город?

– Знаем-знаем! – кричали наперебой ребята. – Там живёт твой старший брат Артём – наш дядя Артём. Ты рассказывал, папа: он заслуженный у Севера полярник. Самый лучший - прелучший. Дядя Артём сшил сам для нас унтайки. А ещё в его Норильске самые вкусные на весь свет конфеты.

– Хорошо, дети, что вы не забываете добро своего щедрого дяди Артёма, но я продолжу рассказ и прошу вас внимательно его дослушать. Итак, вернёмся вновь к птицам. За этот перелёт до Норильска молодые крачки повзрослеют, станут ловкими и мощными их крылья. Теперь им не будет страшен длинный перелёт к берегам южных морей.

– Как крачкам интересно жить, повсюду летать! Пап, а давай в следующий выходной сплаваем к полярным крачкам на моторке? Ни разу ещё за свою жизнь не видел птиц с красным клювом. – Дмитрий улыбнулся Илюше – «долгожителю» и пообещал непременно познакомить сыновей с красноклювиками.

Откуда-то из глубины тайги донеслись стройные, необыкновенно приятные звуки, словно где-то неподалеку расположился оркестр, и музыканты так чудесно играли на разных неведомых человеку инструментах.

– Кто это? Там...люди?! – ребята начали громко и возбуждённо кричать, допытывая отца.

– Тихо, детки. Это поют птицы. А вот какие – не знаю.

Они стали вслушиваться в незнакомое пение и, прячась за деревья, осторожно подкрадываться к таёжному оркестру.

Скоро уже вблизи увидели, как расселись на соснах симпатичные птицы с рыжими головками, в пушистом оранжево-коричневом оперении, с широкими хохолками и длинными хвостами.

– Фу, ты... Да это ж сойки! Никогда сам не слышал, никто из охотников мне не говорил о таком таланте наших соек. Воистину, век живи и век учись! Всегда беспокойные, суетливые и неугомонные, они умеют ещё так красиво петь!

Дмитрий искренне удивлялся, восторгаясь и любуясь ими, а лесной хор продолжал дивное пение. Некоторые птицы-солисты как-то по-особенному весело и игриво щебетали подголосками общему хору: «кээй, кээй, кээй».

Но внезапно прилетел хулиганистый филин и по-хозяйски уселся на одинокой сосне. Необычный весенний концерт тут же прервался. Сойки в один миг смолкли и быстро поднялись всей стаей ввысь. В полёте над тайгой они продолжали беспокойно кричать, тревожно оповещая округу о появлении опасного разбойника.

Егор с Ильёй и папа Дима даже расстроились:

– Вот же злюка-филин! Откуда взялся и всё испортил? – возмущался Юдин-старший, а Илья пригрозил, когда вырастет, то всех лесных задир и возмутителей спокойствия, особенно невоспитанных филинов, сдаст в зоопарк «Роев Ручей». Там-то их точно научат дружить с сойками и всеми таёжными птицами.

– Пап, а медведи тут живут? – вдруг забоялся Егор.

– Нет, сынок, их берлоги далеко-далеко отсюда – за Медвежьей горой.

Вдруг прямо над их головами стремительно пролетела сердитая тёмная птица. Она «ту-тут-кала» на весь лес. Видать, тоже испугалась грозного «ухухуканья» злого филина.

– Вот так сюрприз! Кукушка, да какая! – чему-то обрадовано удивился Дмитрий.

– И вовсе не кукушка! – резко возразил ему Егорка. – Настоящая-то совсем другая: немного рыжая и немного серая. Она живёт у нас в садике в живом уголке.

– Ну, и молодчина, сынок! Всё-то знаешь, подмечаешь. Ты прав, Егорка, у вас живёт обыкновенная кукушка – самец. Только самцы глухо «кукукают», а у кукушек-самок звонкая трель: «кли-кли-кли».

– Тогда почему ты эту, другую, назвал кукушкой?

– Потому, Егорка, что она и есть та же кукушка. Родная сестра вашей кукушке. Только оперением потемнее да поклик у неё иной: «ту-тутут, ту-тутут». Правда, похож на крик удода, который живёт в лесу за нашим забором?

– Да-а-а! – поддержали его ребята. – Пап, ну, говори скорее про другую кукушку. Мы с Ильей завтра расскажем о ней воспитательнице и всей группе. Вот удивятся! И красноклювикам, и сойкам, и другой кукушке!

– Уговорили, – Дмитрий посмотрел на часы, – у-у-у... Наше время на знакомство с весенней тайгой давно истекло. Пора, мужики, топать домой. Мама с Андрюшей ждут нас с подарками, праздничным тортом и душистым таежным чаем.

– А про кукушку?! – не унимался дотошный Егор.

– Идите и слушайте. Так вот... другая, как ты, сынок, её называешь, кукушка зовётся «глухой». Люди мало что о ней знают.

– Она ничего не слышит? – сочувственно спросил Илья.

– Нет, не поэтому её так назвали. Думаю, за то, что уж очень скрытная она птица и живет в безлюдной, дикой тайге. А еще за её голос. Слушайте: «ту-тутут, ту-тутут». Глухой, однако.

– Она – перелётная?

– Нет, глухая кукушка – местная, преданная эвенкийской тайге.

Илья с Егором резво побежали к развилке, где отцова тропа смыкалась с прямой дорогой к дому. По их бесконечным прыжкам и радостным крикам Дмитрий понял, что первая вылазка в тайгу запомнится им надолго. И тут вновь отвлекся на низко летевшего к токовищу глухаря. Тем временем его сыновья нашли что-то необычное. Лёжа на снегу у большого валуна, истошно подзывали отца к себе.

Подбежав к ним, Дмитрий тоже сначала оторопел, но потом пришёл в неудержимый восторг. С южной стороны валуна, из снежного углубления с проталиной, под прозрачной ледяной плёнкой вылезли на белый свет пять желто-белых цветков на пушистых толстеньких ножках.

– Так это же подснежники! Вот и от весны подарок. Чудо дивное. Ну, и парничок – снежная тепличка. Мамуле-то какая радость: первый букет от сыновей и красавицы весны. Вручая его, что скажите маме Люде, а, сынки?

Илья заторопился высказаться первым:

– Скажем: «Дарим тебе, любимая мамочка, подснежниковые цветы!»

– Не «подснежниковые», а подснежные цветы, – поправил брата Егор, и оба близнеца улыбались отцу счастливой улыбкой.

Ребячьих рассказов о перелётных красноклювиках, о птичьем оркестре, первых «подснежниковых» и «подснежных» цветах хватило надолго и дома, и в детском садике.

На следующий выходной Юдины не попали к полярным крачкам: заболел Егорка. Мальчишкам пришлось остаться с мамой Людой дома, а Дмитрий ушел на дальнейшее зимовье.

Близнецы с нетерпением ждали его возвращения домой, чтобы услышать, кто ещё из перелётных птиц вернулся в тайгу.
